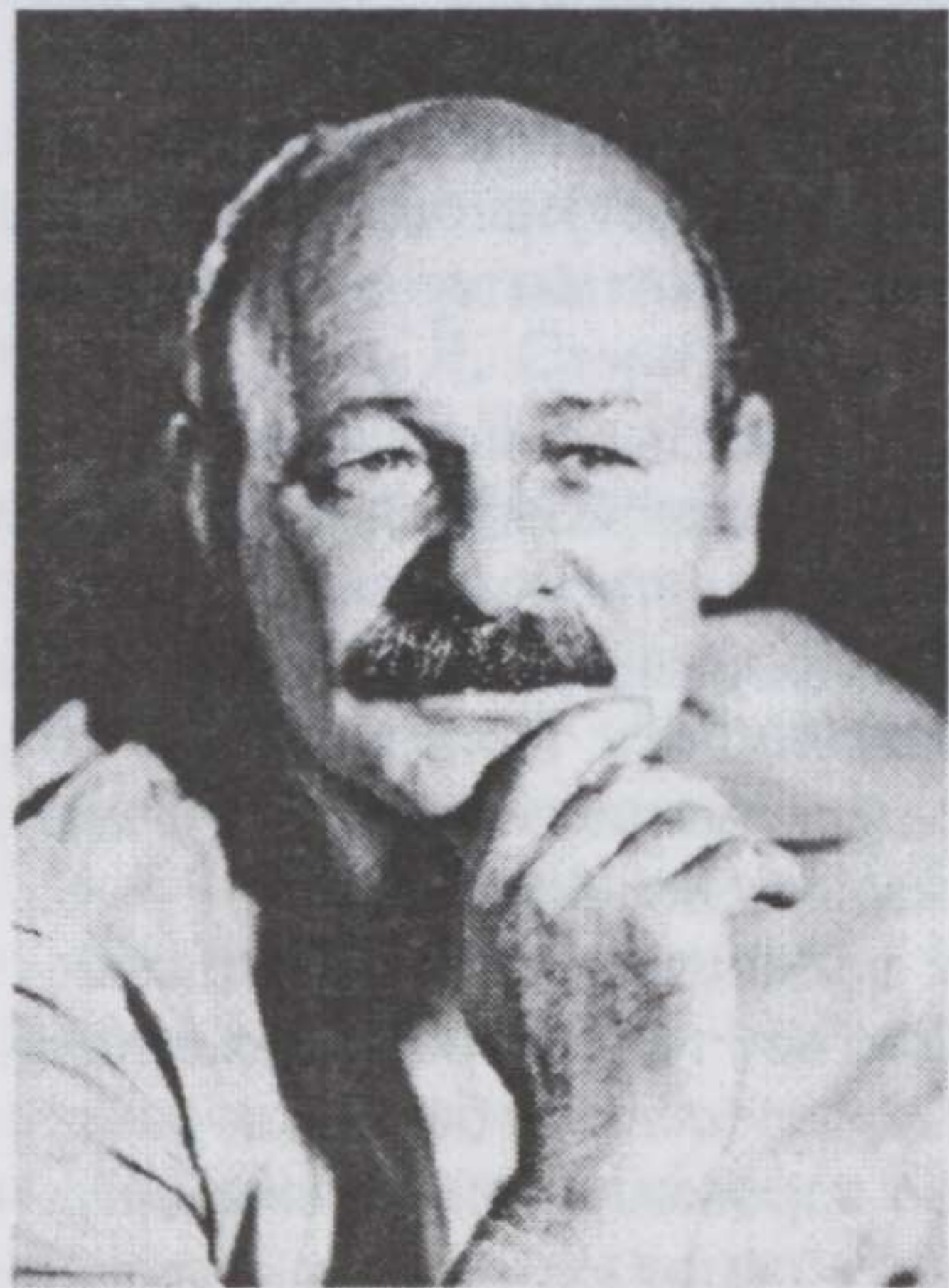

З

ЗАВАЛЬНЮК Леонид Андреевич [20.10.1930, г. Умань Киевской обл., Украина – 7.12.2010, г. Москва] – поэт, прозаик, драматург, художник.

Отец З. – Андрей Дорофеевич – служил в милиции, в уголовном розыске. Мать – Елизавета Андреевна – директор учреждения общепита. Детство будущий поэт провёл в небольшом украинском г. Смела. Там он окончил первые два класса школы. По воспоминаниям писателя, жизнь семьи не была счастливой. В дошкольные годы самым близким человеком для мальчика стала бабушка со стороны отца – Мария. В своей автобиографич. повести «То, что помню...» (2004) З. писал: «Я рос так,

как будто у меня – ни отца, ни матери, а только она. Иногда мне казалось, что оба мы с ней сироты. <...> Много мне от неё перепало тепла и чистой, негромкой доброты. <...> Первые в жизни стихи я тоже услышал от неё».

Весной 1941 в семье случилось несчастье – умерла мать. А летом, перед самой войной, отец женился во второй раз на Елене Климовне Федченко. По воспоминаниям поэта, это была деловитая и властная женщина. Они не были духовно близки, но это не мешало З. вспоминать о ней с глубокой признательностью. Именно она воспитывала его в военные годы и помогла выжить. Отец вскоре после начала войны ушёл на фронт, а для неё с пасынком началась эвакуация – два года они прожили в эвакуопоезде, в котором Елена Климовна служила поваром. Скучали по отцу и ждали от него писем. Утоляла тоску только песня. Мачеха пела замечательно, особенно украинские песни. Любовь к песне поэт пронёс через годы и написал множество песен, которые стали любимы народом. А тогда он часто пел с мачехой на два голоса. Спустя тридцать лет З. написал об этом: «Поём. Встаёт рассвет. / Трещит мороз большой. / Поём. И я в родстве / С неблизкой мне душой. / У мачехи моей / Чугунная рука. / Но вот поём мы с ней / Про гибель ямщика. / Но вот поём мы с ней / И плачем в два ручья / Над тем, что я ничей, / Да и она – ничья, / Над тем, что мы поём, / Чтоб отогреть сердца, / Над тем, что мы вдвоём, / В пустой степи вдвоём / Ждём писем от отца, / Которых нет и нет, / Как нет войне конца».

Зимой 1943, после освобождения Украины от фашистов, они вернулись в родное село мачехи – Крымки. Вскоре с войны пришёл отец. Пришёл, чтобы расстаться с женой, забрать сына и уехать в Винницкую обл., в своё родное с. Мервин, где царили запустение и голод. Суровая проза жизни, казалось, не располагала к поэзии, но именно тогда З. написал первое стихотворение. Отец вместо похвалы сказал: «Что это? Что ты пишешь? Нужно писать то, что чувствуешь по-настоящему. Хочешь есть? Так и пиши: хочу есть!» Этому совету отца поэт следовал всю жизнь.

В 1944 З. уехал в Донбасс, в г. Никитовку, где поступил в фабрично-заводское училище. Через два месяца получил третий разряд токаря и отправился в шахту работать откатчиком.

Но задержался там ненадолго. Вскоре он уехал к родственникам со стороны матери в Рубцовск и стал работать на Алтайском тракторном заводе. Определившись с работой, продолжил учёбу – в ремесленном училище и одновр. в вечерней школе. В мед. справке, выданной для поступления в училище, З. пришлось изменить год и место рождения (иначе в училище не брали). В результате, в паспорте, полученном вскоре, значилось, что З. родился в 1931 и не в Умани, а в Рубцовске.

Во время работы на заводе произошло значимое для будущего поэта событие – в заводской газете впервые напечатали его стихотворение. В Рубцовске он прожил не более двух лет. За это время окончил 7-й класс, ремесленное училище, получил специальность фрезеровщика, но на этом учёба не закончилась. От училища его направили на обучение в группу токарей в Индустриальный техникум трудовых резервов, располагавшийся в Кривощёково, под Новосибирском. Там, при клубе, работало литобъединение, к которому начинающий поэт примкнул. Это была хорошая поэтическая школа, помогающая понять своё и чужое творчество.

Окончить техникум юноше не удалось. В 1951 его призвали в армию и отправили на Дальний Восток в артиллерийскую часть, расположенную на ст. Среднебелая. Здесь, в двух газетах – «На боевом посту» и «Суворовский натиск» – стали печатать его стихи. И здесь же началась судьба З.-поэта. Поэт Константин Овечкин, заехавший в часть по делам, познакомился с молодым военным, прочитал его стихи, нашёл их интересными и забрал рукописи с собой, чтобы некоторые из стихотворений напечатать в альманахе «Приамурье». Но на его страницах они так и не появились. Редактор недавно открывшегося в Благовещенске Амурского кн. изд-ва, будущий друг и издатель З. Марк Гофман разглядел в стихах младшего сержанта несомненный талант. С его мнением согласились все работники изд-ва. «Мы просто не ожидали такого уровня, – вспоминал позже Гофман. – Там была такая внутренняя сила, энергия строки, что меня это поразило. Мы позвали его в издательство и, уже через год, в 1953, выпустили первую книгу его стихов – «В пути»».

Уже здесь, в первой книге поэта, обозначились контуры будущего творчества, определились его тематические, жанровые, поэтические предпочтения. Прежде всего, стало понятно, что З. не ищет тем вне жизни, вне личного экзистенциального опыта. Одиночество, сиротство, странничество, родина и любовь – мотивы, которые пронизывают всё его творчество. «Вы “столпник”, а не “путник” <...>, – писала З. в 1996 поэтесса Татьяна Бек, – Вы сразу явились в мир со своей главной болью (“темой”) и её несколькими психологическими гранями, – а затем её длили, уточняли, углубляли, своей доминанте никогда не изменяя, не делая главным – нечто др.».

Хорошо ощутимая в первой книге З. тяга к сюжетным зарисовкам, драматически разыгранным стихотворениям обнаруживает в нём склонности к прозе (что впоследствии реализуется в составивших дилогию повестях «Дневник Родьки – “трудного человека”» и «Не имеющий друга»). На небольшом пространстве короткого стиха поэт умеет дать не только лирическое переживание, но и бытовую сценку, людей в действии. Конкретность и почти акмеистическая отточенная выпуклость детали станут характерными приметами поэтического стиля З., сделают его стихи узнаваемыми. Эпическое начало навсегда поселится в его поэзии и обусловит ощутимое присутствие в творчестве таких лиро-эпических жанров, как баллада и поэма.

После оконч. службы, в 1954, З. экстерном окончил благовещ. школу №1 и поступил в Лит. ин-т им. М. Горького в Москве. В ин-те посещал семинары поэтов П. Антокольского и Л. Ошанина, драматурга Б. Ромашова. Одновременно с ним (на курс старше) постигали лит. мастерство Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. Проучившись два года на очном отделении, З. перевёлся на заочное и уехал жить в Благовещенск, где некоторое время работал редактором Амурского кн. изд-ва, печатался в альманахе «Приамурье моё», газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец».

С Благовещенском З. связывало многое. Это город, на скрижалях которого, по признанию поэта, он остался «зарубкой». Во время своего последнего посещения Благовещенска

Леонид Завальнюк
во время прохождения сроч-
ной службы. Благовещенск,
начало 1950-х гг.

в 2004 З. признавался: при звуке имени города «душа вздрагивает! В этом городе я рос, организовывался, вырос, первая книжка моих стихов именно там вышла. Как это забыть? <...> Многие литераторы в литературные отпуска стремились уезжать куда-то к морю, Пицунду любили. На крайний случай ехали в тишину подмосковного леса. Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много написал, там так хорошо писалось... Там был дом-завальюха на улице Калинина, я любил в нём останавливаться.

Там всегда трещал сверчок – это для меня была как музыка вдохновения. Вообще, где дом друзей, там и Родина моя. Там был дом моих друзей». «Мне кажется, я нахожусь в гармонии с этой землёй – степь, среди которой возникают сопки, – она близка мне, как мелодия, по интонации», – писал он в своей статье, помещённой в ж. «Юность» (1982).

Именно в Благовещенске разворачивается действие повести «Дневник Родьки – «трудного человека»» (1964). Отец в одиночку воспитывает двух сыновей. Старший – Костя, окончив мединститут, работает хирургом и мечтает уехать из маленького Благовещенска, потому что, как он говорит, задыхается от «серости» провинциалов. А младший сын – Родька, отзывчивый и добрый мальчик, всячески пытается помочь окружающим. Жизнь в этом «мужском царстве» меняется, когда Костя приводит в дом молодую женщину Сашу. Когда он уезжает в Москву, отец и Родька становятся её лучшими друзьями. Эта повесть, написанная по жанровым лекалам отчасти романа воспитания, отчасти мелодрамы, поднимает вечные проблемы человеческих взаимоотношений, психологический рисунок которых, тем не менее, далёк от схематичной упрощённости. Провинциальный город здесь не только фон, на котором разворачиваются события, а особый хроно-топ, обладающий самостоятельным смыслом, без которого коллизии повести лишились бы необходимых нюансов, делающих произведение уникальным. Ведь провинция для З. вовсе не край Ойкумены, а сама земля обетованная, бережно хранящая ценности, от которых порою так легкомысленно отказывается прогресс.

Благовещенску поэт посвятил много замечательных строк: «Где две реки, как две руки, / Сошлись в рукопожатье, / Над величавою водой / Раскинут город молодой – / Старинный мой приятель. / Он не гигант, сказать по чести. / Но каждый дом и каждый куст / В нём удивительно на месте... / <...> Но чувство Родины, земли, / Сочувствие природы / Впервые мне открылись здесь». Не случайно и последняя, изданная уже после смерти поэта книга носит «топографическое» название – «Осень в Благовещенске» (2011). Это последнее «прости», последнее признание в любви Поэта своему Городу.

В Благовещенске вслед за первым вышли ещё три сборника стихов З.: «За отступающим горизонтом» (1956), «Стихи о доме» (1958), «На дороге времени» (1959). Знаковым среди них был сборник 1956. Большую часть его объёма занимает поэма «В пути» (1956). Она написана по фабульной канве романа-воспитания. Герой её – молодой человек, современник автора, показан в начале жизненного пути, ему восемнадцать лет. Жизнь героя пробует его «на стойкость, на изгиб и на излом». Но судьба юноши не исключительна, в ней типически обобщена судьба людей, родившихся незадолго до начала войны. Отец ушёл на фронт и не вернулся. От горя и усталости умирает мать. Равнодушный «эскулап с бутылочно-зелёными глазами» даже не пытается бороться с приближающейся смертью. Это равнодушие возмущает юношу. Он не может согласиться с тем, что можно «смерть спо-

койно пропускать, не возражая ей, не протестуя». И чтобы «всей жизнью» доказать этому равнодушному эскулапу, что всё-таки именно он повинен в смерти его матери, герой даёт клятву стать врачом. Завязка поэмы напоминает завязку известного романа В. Каверина «Два капитана» (1944). Автор не скрывает этого и прямо говорит о герое, что «бредил он каверинским героем и сам себе не признавался в том». Отныне равнодушный эскулап становится для него символом зла. Поступить в медин-т герою не удаётся. Его призывают в армию. Осуществление мечты откладывается. Армия – большая школа жизни для героя, он покидает её совершенно другим человеком. На этом поэма заканчивается, обманывая читательское ожидание.

Критики неоднозначно отнеслись к финалу. В. Колесов отмечал, что финал обусловлен как неудачным решением темы, так и позицией автора. Герой не добился поставленной цели, не доказал (как каверинский герой) подлецу, что он подлец. Но на самом деле он добился большего – «построил» себя, освободился от желания мести, открыв иные жизненные горизонты. Осн. пафос поэмы – в движении, развитии героя в пути; он просто идёт «вслед за отступающим горизонтом», «шагает, словно влитый в вечер, огнём лучей закатных осиян».

Как и роману воспитания, поэме З. свойственен дидактизм. В ней много «прямых» авторских размышлений, вторгающихся в повествование, отодвигающих героя на второй план. Отсюда и обедняющие художественную мысль и поэтический язык риторизм и декларативность. Но в целом, и это отмечалось уже критиками-современниками, поэтическая речь З. своеобразна, красочна, насыщена афоризмами.

Вместе с поэмой в сборник включено пять баллад, тематически примыкающих к ней. Это всё та же героическая тема борьбы человека за жизнь и товарищество. В балладах в полной мере проявилось эпическое дарование поэта: сжато, лаконично описать подвиг, выразить напряжение человеческой воли, героический порыв через внешнее, хотя бы не очень яркое, проявление. Эта внешняя деталь, как намёк, разворачивается в читательском воображении в уникальную картину событий, окрашенную индивидуальными эмоциональными красками, подсвеченную личным экзистенциальным опытом каждого читателя. Героико-романтич. пафос лирической эпикки начинающего провинциального поэта был соприроден лирическому пафосу баллад его современников, жителей метрополии – Р. Рождественского, Б. Слуцкого, Е. Евтушенко, В. Высоцкого. Жизнь в провинциальном Благовещенске во все не мешала З. чувствовать нерв эпохи и быть современным, быть частью литературного мейнстрима.

В 1960, находясь в командировке в Москве, З. познакомился с будущей женой Натальей. Женясь, переехал в столицу. Здесь он целиком посвятил себя литературе. Пе-

Благовещенск, 1983 г. На встрече с читателями в областной детской библиотеке.

чтался в журналах «Юность» и «Новый мир». В 1962 его приняли в Союз писателей. Москва дала возможность по-настоящему развернуться творческому дарованию З. Диапазон его исканий широк: поэзия, проза, драматургия. Помимо сотрудничества с композиторами и певцами (Н. Лошманов, Ю. Саульский, Т. Рузавина и С. Таюшев и др.), З. работает в кинематографе и мультипликации. По его повести «Дневник Родьки – “трудного человека”» в 1966 был снят художественный фильм «Человек, которого я люблю». В соавторстве со С. Кулешом написан сценарий к фильму «Развлечение для старичков» (1976). По сценариям З. снято неск. мультипликационных фильмов: «Зеркальце» (1967), «Волшебная палочка» (1972), «Коля, Оля и Архимед» (1972) и др., а также мультипликационный сериал «Рассказы старого моряка. Необитаемый остров» (1971), «Рассказы старого моряка. Антарктида» (1972).

Лирический герой З. – странник, покинувший родной край, но постоянно возвращающийся к нему в мыслях («<...> ушёл из земли, из природы. / И остался лишь в снах / Да в желании вдруг возвратиться»). Для русской поэзии – ситуация весьма типическая. Здесь слышатся и лермонтовские, и есенинские ноты, и более современные – мотивы поэзии М. Светлова, Д. Самойлова, А. Твардовского. Только путешествует герой З. не столько по просторам родины, сколько по просторам собственной души. Вектор его движения – назад (в прошлое) и вглубь (в себя). Он сознательно выбирает самый трудный – целинный, нехоженный путь: «Стезя моя ровная, гладкая... / <...> / В реальном пути и условном / Мы падаем чаще на ровном / <...> / Судьба моя, что же со мною?! / Опять в твою руку вопьюсь / И, словно ослепший, заную: / – Веди, / Но веди целиною. / Куда бы ни шли, – целиною: / Я стар, я дороги боюсь» («Стезя моя ровная, гладкая...»). В лирическом герое как бы соединяются беспомощный ребёнок и слабый старик, но именно эта беспомощность и слабость оборачиваются силой, позволяющей ему проложить свой путь по целине жизни.

С темой странничества связана и центральная тема творчества З. – тема сиротства и одиночества. Она находит воплощение и в элегиях, и в лирических разговорах, и в монологах, и в зарисовках: «Как кусок головы у портрета срезается рамой, / Так вы срезаны смертью, младенчества дни. / Помню мать. Но не помню, как звал её мамой» («Попытка портрета»); «– Кто там? Где ты? / Откройся, оклики меня, я не вижу. / – Я сиротство твоё. Я живу здесь. / – Одно? / – Нет, с тобой» («По холодному полю»); «Бездомность. Сиротство... / Уж очень не ко времени меня на этом заклинило. / Но что же делать, если сквозь все года / Любые чувства прерывисты. / И только сиротство – сплошная линия, / Идущая неизвестно откуда / И уходящая неизвестно куда» («Сиротство»). Сиротство у З. больше, чем сиротство. Оно приобретает онтологический статус способа существования – с одной стороны, и персонифицируется, становится постоянным невидимым спутником лирического героя – с другой. Драма сиротства усугубляется непростыми отношениями лирического героя с родителями: неизбывное чувство обиды на них («Два окна») сочетается с неослабевающей любовью-жалостью («Грачи. 1942») и памятью-благодарностью («Родители»). И тем мучительнее память, что в ней навсегда сплелись в «гордиев узел» любовь и горечь-обида, избавиться от которой невозможно, не утратив памяти о любви. Лирический герой обращается к родителям: «Мир духу вашему за вечною рекой. / И, верьте мне, / Недрогнувшей рукой / Давно сорвал бы я, чтоб обрести покой. / С души и с памяти былых обид оковы. / Но, забывая их, / Я забываю, кто вы, / И вспомнить нет надежды никакой» («Родители»).

Одиночество также приобретает в лирике З. неповторимые, индивидуальные обертоны. Оно персонифицировано и экзистенциально: «Как хочется / В начало, в забытый исток. / Пусти меня в мир одиночества. / Я так без него одинок!» («Осennie дали пусты...»). Но если в сиротстве нет вины героя, оно – его судьба, не избранная, но данная, то одиночество – не только его беда, оно – его выбор: «В этом жизненном море, / Что не ведает дна, / Одинокость – не горе, / Одинокость – вина» («Снова сильная вьюга...»). Парадоксальный поворот темы усложняет интонационный рисунок,

М.Л. Гофман и Л.А. Завальнюк. 2004 г.

Л.А. Завальнюк на встрече с коллективом кафедры литературы БГПУ. 2004 г.

насыщает лирическую палитру новыми оттенками мысли и переживания. Теперь уже на первый план выходят не сочувствие, но призыв к ответственности, требовательность к себе. Несмотря на то, что стихотворение обращено к некоему «ты», оно отчётливо исповедальное – лирический герой ведёт безжалостный разговор, прежде всего, с самим собой.

Интерсубъективность – одна из характерных примет поэзии З. Лирический разговор – его излюбленный жанр. Поэт находится в постоянном диалоге с Богом, судьбой, родиной, родителями, с самим собой, с природой, одушевлённой и неодушевлённой. В нём и обнажённость сердца, и доверчивость, и неподдельная искренность и боль, и назидательность умудрённого жизнью. Поэтому З. часто обращается к жанрам молитвы, исповеди и лирического разговора.

Многое в мироощущении З., равно как и у его современников (Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, Ст. Куняева), идёт от связи с родной землёй. Родине посвящено немало стихотворений («Очередь за снегом...», «Я люблю тебя, родина моя», «Я люблю эту землю», «Перезимуем, брат...» и др.). О многогранности чувств, испытываемых лирическим героем к родине, можно судить по разнообразию эпитетов. С одной стороны, она – «нищая», «мёртвая», «жалкая», «дикая», «бедная», с другой – «добрая», «хорошая», «милая», «дивная», «красивая», «любимая», «сказочная», «великая». Здесь гражданский пафос, жалость, любование, идеализация. «География», «топонимика» стихотворений З. разнообразна: здесь и украинская Смела, и Благовещенск, и Амурская область, и Москва. Все эти места сливаются в единый образ родины.

З. – из поколения поэтов, которые не принимали участия в сражениях Великой Отечественной. Однако память о войне является одним из мотивов его творчества. Личное – воспоминания об отце и военном детстве – переплетается с общественно-значимым. Победа в войне, по убеждению поэта, была одержана не столько силой, сколько способностью к состраданию. Защитить себя для поэта означает, прежде все-

го, защитить тех, кто рядом: «Тебя согреть – себя согреть. / Тебя забыть – себя отринуть». Поэтому трагедия войны переживается им глубоко лично: «...Перенесу бывшее в наши дни. / Вот здесь убит я. И вот здесь – взгляни... / Когда сквозь вас я в прошлое гляжу, / Я на свои могилы прихожу».

Оригинальное, современное воплощение находит в поэзии З. традиционная для русской литературы тема поэта и поэзии. В сборнике «Стихи» (2001), куда вошли лучшие стихотворения поэта, написанные им с 1956 по 2001, ей посвящён целый раздел – «Ремесло». «Ты – почта жизни», «единственная в городе больница» – вот ёмкие формулы предназначения поэта. Поэт – провод, по которому идёт ток жизни; он посланец грядущего, пророк, призвание которого: «Вот твой читатель. / Бей без промедленья, / Посулы сыпь, и пестуй, и мани, / Но доконай его, каналью, дотяни, / Не дай ему уйти от просветленья!» («Ты – почта жизни»). В этих строчках слышится отзвук пушкинского «Пророка». Поэт – заложник своего дара: «Чем выше дар, тем каторжней закон. / Не жаждой счастья иль иной подачки – / Самим прозреньем ты прикован к тачке». Труд поэта – труд Сизифа, прикованного к своему «камню» – таланту.

За первое десятилетие XXI в. вышло неск. стихотворных сборников З.: «Стихи» (2001), «Музыка жеста» (2002), «Под словом» (2004), «Планета Зет» (2006), «Посох» (2006), «Летела птица» (2009), а также автобиография «То, что помню...» (2004). Поэт активно участвовал в литературном процессе, публикуя свои произведения в лит.-художественной периодике: «Всё люблю и ничего не жду» (Новый мир. 1996. №7); «Что там на третьем?» (Новый мир. 1998. №2); «Через...» (Октябрь. 2002. №11); «Сердце сердца» (Октябрь. 2004. №7); «Мысли вслух» (Амур. №3. 2004); «Когда-нибудь...» (Октябрь. 2006. №7); «Жестокое начало» (Октябрь. 2009. №2). Уже после смерти поэта вышла книга «Осень в Благовещенске» (2011). На уход поэта отреагировали журналы, в которых он публиковался ранее: «Октябрь» («Из неопубликованного». 2012. №6), «Амур» («Сказки лесной поляны». №10. 2011).

В последних стихотворениях поэт всё чаще размышлял о жизни, смерти и бессмертии. Элегическая тональность многих из них печальна и светла, но и здесь всегда присутствующий поэту юмор не изменяет ему. Закат жизни он встретил с улыбкой: «Давно ничего не хотелось. / Вдруг хочется петь и плясать. / <...> И вот, запершись в туалете, / Тихонько я спел и сплясал, / А после, при утреннем свете, / На старой какой-то газете / О смерти, о тающем лете / Трепещущий стих написал» («Рождение стиха»). Вера и творчество не покидали поэта до конца, его душа была открыта новому, готова к размышлению и поиску: «Что-то новое такое / В ветрах, вербах над рекою, / В старом друге и в жене. / А быть может, просто старость / По чужим мирам скиталась, / Новым светом пропиталась, / И тот свет теперь во мне?»

Помимо таланта поэта и прозаика, З. присущ ещё и дар художника. Первые живописные опыты поэта состоялись в юности, затем в годы, когда он жил в Благовещенске. «Я начал рисовать, грубо говоря, по бедности. <...> от газеты

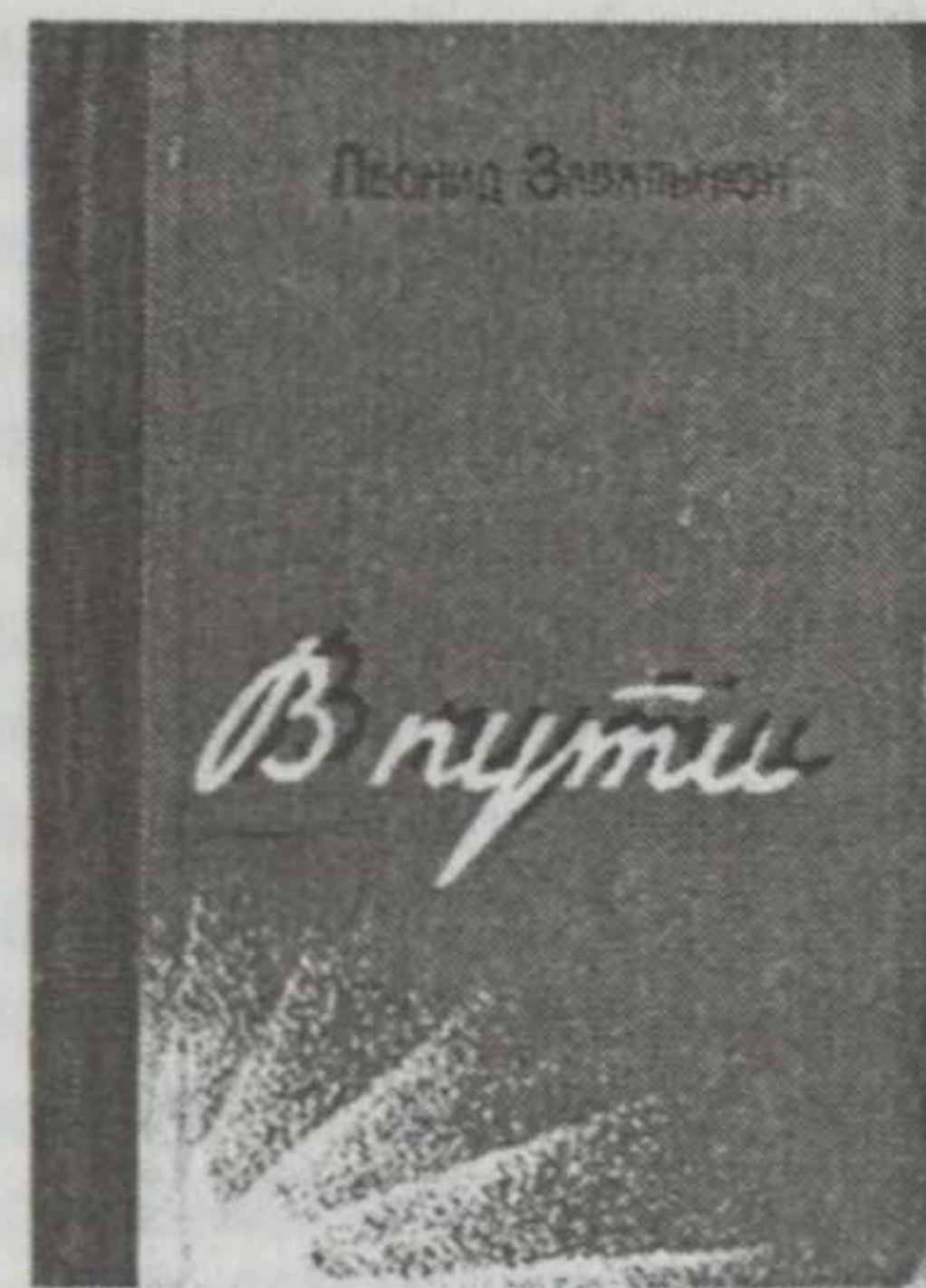
Леонид Андреевич Завальнюк с женой Натальей Марковной. Москва, 2009 г.

“Комсомольская правда”, в которой я работал, мне дали однокомнатную квартиру в Милицейском переулке. Она была такая хорошая и пустая, что вызывала у меня, с одной стороны, восторг, а с другой – тоску. Нужно было её как-то обживать, а денег на мебель не было, поэтому я решил её разукрасить. На одной стороне я гуашью нарисовал персидский ковёр, а на другой – огромное многофигурное панно. <...> Расписал и титан, на нём я нарисовал жирафа», – вспоминал З. Преобразившаяся квартира, как и сама идея её обустройства, очень понравилась всем друзьям и знакомым художника.

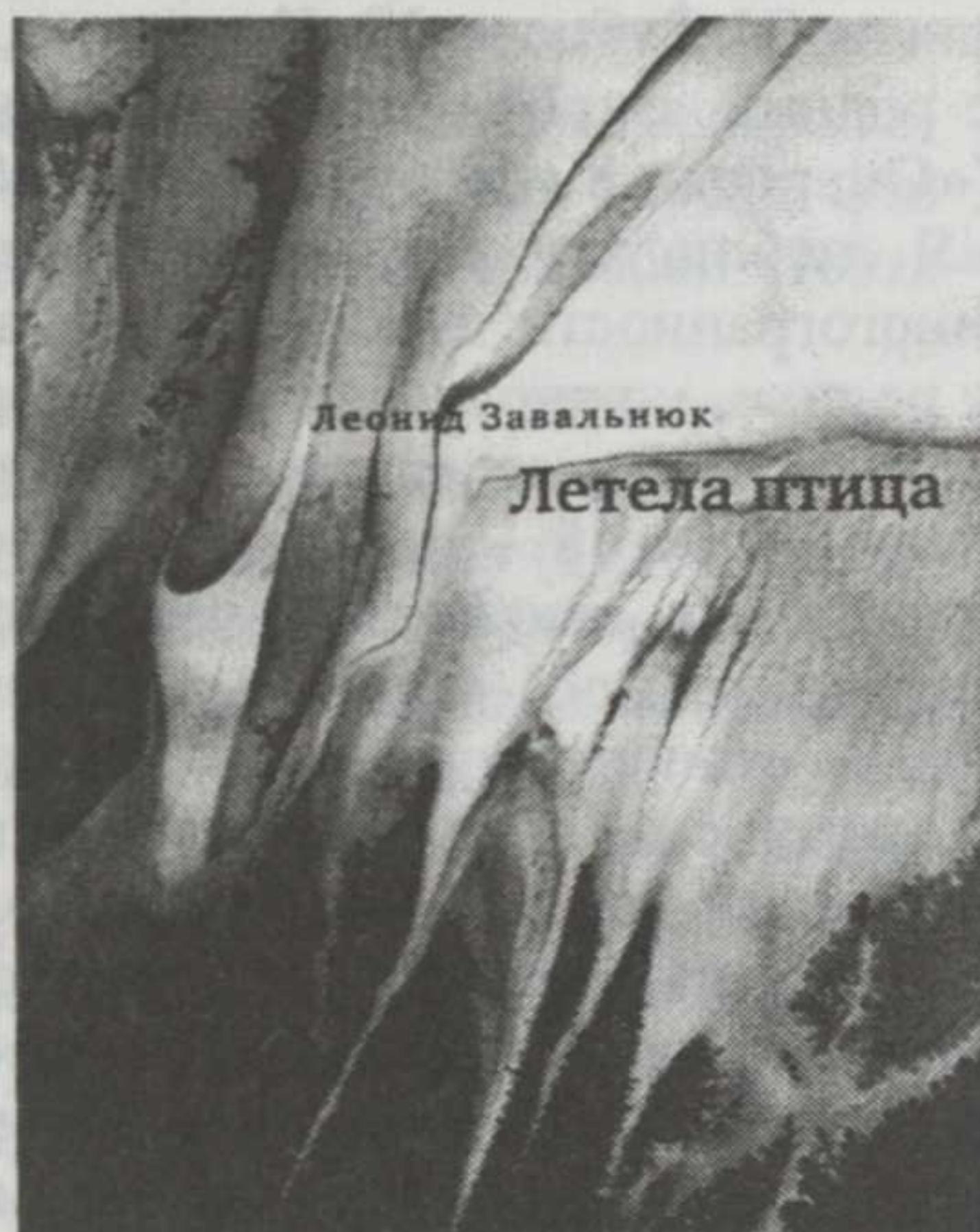
Всерьёз же он начал заниматься живописью в Москве. Оригинальность манеры З.-художника самим автором определялась как «неконкретный реализм», а техника создания картин называется монотипией: на стекло накладываются в соответствии с ощущениями художника краски, сверху накладывается лист бумаги, и всё это аккуратно «переводится» на неё; затем автор находит в получившейся «картине» образ и дорисовывает его. Свои картины художник назвал «Знаками», а поклонники его искусства увидели в них «следы космического присутствия», «завораживающую космическую музыку», «картины про наши сны и мысли». Как писала критика после одной из его художественных выставок, «Завальнюк-поэт не даёт расслабиться Завальнюку-художнику. Как бы последний ни старался управлять стихией красок и корректировать получившийся рисунок, из них так и рвётся необузданная стихия поэзии». Поэт выступил иллюстратором некоторых своих книг, часть графических работ помещена в книгах «Летела птица» и «Осень в Благовещенске». Авторские выставки З. прошли в Нью-Йорке, Благовещенске, Москве, Париже. Его живописные работы находятся в частных коллекциях в России, Англии, Италии, Финляндии, США.

Соч.: В пути. Благовещенск, 1953; За отступающим горизонтом. Благовещенск, 1956; Стихи о доме. Благовещенск, 1958; На полустанке. Благовещенск, 1959; Моя прописка. Благовещенск, 1962; Лирика. Благовещенск, 1963; Полуполоводье. М., 1965; Это – реки. Хабаровск, 1969; Вторые травы. М., 1975; Три холостяка: Повесть. М., 1975; Первая любовь. М., 1980; Рисунок по памяти. М., 1982; Возвращение. М., 1983; Родька: Повесть. Хабаровск, 1984; Лирическая повесть. Благовещенск, 1984; Дальняя дорога. Хабаровское кн. изд-во, 1987; Деревья, птицы, облака. М.: Сов. писатель, 1989; Бис. М.: Мол. гвардия, 1990; Беглец. Тула: Пересвет, 1996; Как заяц Прошка волшебником был. Тула: Пересвет, 1996. 239 с.; Зеркальце. М.: Алтей-М, 1997; Весёлая азбука. М.: Омега, 1998; Как Прошка друга искал. М.: Алтей-М, 1998; Времена года. М.: Омега, 1998; О профессиях. М.: Омега, 1999; По грибы, по ягоды. М.: Омега, 1999; Андрияша и Боря в глубинах моря. М.: Омега, 1999; Азбука. М.: Вече, 2000; Стихи. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. 272 с.; Под словом. Благовещенск, 2004. 35 с.; Планета Зет. М.: Зебра-Е, 2006. 416 с.; Посох. М.: Омега-Л, 2006. 160 с.; Летела птица. М.: Время, 2009. 96 с.; Осень в Благовещенске. СПб.: Алтейя, 2011. 128 с.; Сказки лесной поляны, или Жизнь и приключения зайца Прошки. СПб.: Алтейя, 2012. 88 с.; Человек, которого я люблю. СПб.: Алтейя, 2012. 384 с.; Др. измерение / Сост. и предисл. П. Волкова. М.: Зебра-Е, 2012. 504 с.; От августа до августа. СПб.: Алтейя, 2013. 100 с.

Лит.: Погудин Г. Первая книга молодого поэта // Амурская правда. 1953. №140. 14 июня; Лосев А. О творчестве молодых поэтов Приамурья // Амурская правда. 1953. №287. 4 дек.; Хуртин И. Настойчиво совершенствовать мастерство // Приамурье. 1953. №3. С. 326–331; Смоляков С. В пути // Дальний Восток. 1954. №1. С. 186; Лосев А. Правда жизни и домыслы поэзии // Амурская правда. 1957.

Первая книжка
Леонида Завальнюка.
Благовещенск, 1953 г.

«Летела птица» (Москва, 2009 г.) –
последняя из книг, вышедших
при жизни поэта.

№11. 13 янв.; Колесов В. Человек в пути // Приамурье. 1957. №6. С. 193–206; Кузьмина Э. В движении // Лит. газета. 1960. №103. 13 сент.; Огнев В. Молодой поэт и его критика // Новый мир. 1960. №9. С. 155–157; Смоляков С. Смелее на дороге времени // Дальний Восток. 1960. №4. С. 177–179; Коржнев В. От имени поколения // Сибирские огни. 1961. №2. С. 186–188; Гамерман Ю. Леонид Завальнюк: грани судьбы, грани таланта // Амур: Лит.-художественный альманах. №3. 2004. С. 82–92; Игнатенко И. «Прочтите мне только по памяти...» // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. 2011. С. 11–19; Киреева Н. На узком пятке – душа, бессмертье, небо... // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. 2011. С. 19–25; Лецик В. «Снова стихами повеяло...» // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. 2011. С. 25–28; Черкесов В. Ключ от бессмертья не добыть... // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. 2011. С. 29–30.

С.И. Красовская

ЗАГУЛ Дмитрий Юрьевич [16(28).8.1890, с. Милиево Вижницкого р-на Черновицкой обл. – лето 1944, Колыма] – поэт, переводчик, критик, узник БАМлага.

3. родился в крестьянской семье, рано потерял родителей. На средства своего учителя В. Завадюка учился в Черновицкой гос. классич. гимназии (по 1913), затем стал слушателем философского ф-та Черновицкого ун-та, самостоятельно занимался славистикой. С 1918 жил в Киеве, трудился в госпитале, затем канцеляристом и редактором во Всеукраинском изд-ве (1919), был членом литобъединения «Західна Україна» (1923). В 1924 3. работал сценаристом на «Украин-фильме», с 1926 – ст. науч. сотрудником комиссии новейшей литературы Всеукраинской Академии наук.

Стихи 3. стал писать в нач. 1900-х, с 1909 под разными псевд. (И. Майдан, М. Сучасный, С. Юрась, Б. Тыверец и др.) публиковался в украинских газетах «Буковина» и «Новая Буковина», в 1913 вышел его первый сборник – «Мережки». В последующих стихотворных книгах, «С зелёных гор» (1918) и «На грани» (1919), 3. выступил как поэт-символист, однако во второй пол. 1920-х преодолел модернистские тенденции и в сборниках «Наш день» (1925) и «Мотивы» (1927) проявил себя уже как соцреалист. Помимо оригинального поэтического творчества, занимался переводами: на украинский язык перевёл «Слово о полку Игореве», произведения Шиллера, Гёте, Гейне, поэму А. Блока «Двенадцать». Первым на Украине написал курс теории литературы («Поэтика», 1923). 3. писал не только стихи, но и песни. Одна из них, «Греми, греми, могучая песня», была популярна среди красноармейцев.

Принятие и воспевание нового гос. строя не спасло 3. от ареста, последовавшего 23 февр. 1933. Поэт был осуждён судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР по ст. 54-9, 11 на 10 лет и отправлен в БАМлаг, куда с киевским этапом прибыл 4 сент. 1933. 14 сент. 1937 3. этапирован в Севвостлаг, где, вероятно, он и умер (по сведениям Ф.И. Тихменёва – от паралича сердца в 1944).

В БАМлаге 3. не отчаивался и продолжал активную творческую работу. По воспоминаниям Ф.И. Тихменёва, поэт в лагере пользовался уважением, был расконвоирован, снимал комнату в прилагерном посёлке, питался в столовой для инженеров и носил «вольную» одежду. С.А. Воронин в документ. повести «Наказание без преступления» писал, что некоторое время 3. жил в вагоне выездной типографии газеты «Строитель БАМа», где принимал и терпеливо выслушивал начинающих поэтов. Помимо этого, в свободненском лагере 3. выступал в составе агитбригады, был её лит. оформителем и чтецом. О.П. Еланцева отмечает, что 3. написал одно из агитбригадных обзоров «Новый взлёт», которое было издано в качестве отдельного выпуска театрально-репертуарной серии. 3. являлся редактором бюллетеня «Строителя БАМа» 2-го отделения БАМлага, в котором нередко публиковал свои стихи («Песня мая», 1935; «Первый поезд», 1935). Помимо этого, его произведения печатались в сборнике стихов и песен лагкоров «Путеармейцы» и газете «Строитель БАМа» («Стахановский смотр», 1936). Среди творческого наследия 3., созданного в свободненском лагере, выделяется поэма

«Семнадцать» (1935), увидевшая свет в «Путеармейцах» и вобравшая многие темы, свойственные официальной лагерной поэзии. В произведении рассказывается о спасении фалангой №17 моста на реке Ундурга. Традиционным является мотив вызова природной стихии, «злой» Ундурге противопоставлены строители «вторых путей», пытающиеся сохранить мост любой ценой: «Ревёт и злится Ундурга / И скалит злой оскал, / Со злобой бьётся в берега, / Грызёт откосы скал, – / Но против сильного врага / Отряд героев встал, – / Беснуясь, старая карга, / А труд людей оставь. / Не победишь нас никогда! / Запомни нашу речь: / Под звон ударного труда / Ты будешь мирно течь. / На гриву львиную твою / Железный ляжет мост, – / Ты зубы выкрошишь в бою / И подожмёшь свой хвост! / Мостом помчатся поезда / На запад и восток, – / Не сбросит этого моста / Бурливый твой поток». Устоявшейся предстаёт и тема «перековки», «облагораживающего» влияния коллективного лагерного труда: «Разгорелся лютый спор / Меж рекой и мной... / Наплевать на твой укор. / Да, я был Васютка – вор, / Но сейчас герой!». Поэма, в отличие от многих др. бамлаговских поэтич. произведений, не лишена художественных достоинств, её пронизывают выразительные сравнения, аллитерационные цепочки; яркая особенность произведения – чеканный ритм, передающий согласованность трудовых действий строителей, выражающий их уверенность в правильности выбранного пути.

Лагерная поэзия 3. стала своеобразным продолжением его соцреалистического творчества 1920-х. По-видимому, 3. был одним из тех авторов, которые, трагически пережив несправедливый арест, приспособились к требованиям культурно-воспитательного отдела, поскольку видели в лагерной деятельности одну из форм искреннего служения родине. Однако это, как показала судьба поэта, не избавляло от этапа и, в конечном итоге, гибели.

Соч.: Семнадцатая // Путееармейцы: Стихи и песни лагкоров. Свободный: Сектор печати КВО БАМлага НКВД, 1935. С. 61–75; Песня мая // Строитель БАМа: Бюллетень 2-го отд. БАМлага НКВД, 1935. 1 мая. С. 1; Поэтическая тетрадь БАМлаговцев. Ч. 1. Дмитрий Загул // Еланцева О.П. БАМлаг в контексте истории и литературы: Из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 218–230.

Лит.: Еланцева О.П. БАМлаг в контексте истории и литературы: Из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 50–53; Архив УМВД России по Амурской обл. Ф. 58, д. 322, картотека №3 заключённых БАМлага НКВД.

Т.Е. Смыковская

ЗАКРУТКИН Виталий Александрович [14(27).3.1908, г. Феодосия Таврической губ. (ныне Республика Крым, Украина) – 10.10.1984, станица Кочетовская Семикаракорского р-на Ростовской обл.] – известный писатель, литературовед, публицист, лауреат Гос. премий (1951, 1971, 1982), кавалер шести советских орденов, выпускник Благовещ. пединститута (1933).

Родился в семье инспектора народных училищ Таврической губ., после окончания школы работал в 1928–1930 избачом (библиотекарем) в с. Екатериновка Херсонской губ. Украины. В 1930 вместе с родителями, сестрой и двумя братьями приехал на новое место жительства в пос. Завитая (ныне г. Завитинск) Амурской обл., куда отец получил назначение на должность зав. учебной частью рабфака Тихоокеанского ин-та социалистического с.х. (существовал в 1930–1934, сначала во Владивостоке, затем в Благовещенске). В этом же году 3. поступил на заочное обучение (экстернат) по специальности «русский язык и литература» в только что открытый Благовещ. пединститут. С 1931 по 1933, в связи с нехваткой кадров, он сам, как и его отец, преподавал на рабфаке русский язык, литературу, англ. язык, а братья и сестра учились на рабфаке. В 1932 3. женился на Лидии Григорьевне Шкреба (1911–1989), которая приехала к нему из Украины, а через год, 24 июня 1933, родился (в Благовещенске) его единственный сын Валерий. Свою дипломную работу «Творчество А.С. Пушкина и современность» 3. защитил на отлично. В семейном архиве Закруткиных сохранилась эта дипломная работа. На первой странице – регистрационная запись «Виталий Закруткин. 21 сентября 1933». На второй странице его рукой: «Это – студенческая дипломная работа,